

ИСТОРИЯ

УДК 94(571)-058.232.6"1923/1924"

Е. Н. Шуранова

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА
В 1923–1924 гг. И РЕАКЦИЯ ВЛАСТЕЙ СИБИРИ

Важной особенностью налоговой кампании 1923/24 года было то, что она проходила в гораздо более спокойной обстановке – и в политическом отношении, и в экономическом. Борьба с бандитизмом в Сибири в основном закончилась, оставшиеся отряды повстанцев были немногочисленны и не очень-то меняли общую картину налаживания повседневной жизни. С 1922 г. в стране начался прирост посевных площадей, и восстановление сельского хозяйства в европейских губерниях снижало потребность в сибирском хлебе. Следовательно, на крестьян уже не надо было так давить, как во времена развёрстки и первых двух налоговых кампаний. От этого нажима на сельских производителей, которые не всегда могли дать требуемый хлеб, устали и сами бойцы продовольственного фронта.

Курс на смягчение налоговой политики был обозначен XII съездом РКП(б), проходившим 17–25 апреля 1923 г. Резолюция по отчёту ЦК партии в качестве «коренного практического вопроса» называла «осторожную линию, учитывающую действительную платежеспособность крестьянства при взимании налогов» (1). Резолюция съезда «О налоговой политике в деревне» с целью улучшения положения крестьянства предусматривала замену части натурального обложения денежным и слияние всех лежащих на крестьянском хозяйстве налогов (продовольственного, подворно-денежного и трудгужевого) в единый сельскохозяйственный налог. Она же указывала: «Не только всякая незаконность, но и пренебрежительное отношение к законным правам крестьянства при выполнении налоговыми органами их тяжёлой, ответственной и необходимой для Советского государства работы по сбору налогов должны встречать решительное осуждение со стороны партии и суровую кару со стороны Советской власти» (2). Наконец, резолюция съезда «О работе РКП в деревне» предлагала учитывать в налоговом законодательстве «классовые деления в деревне, соответственно возлагая главные экономические тяготы на наиболее зажиточные хозяйства. Как самые декреты и распоряжения центральных органов, так и применение их на местах должны облегчать экономические тяготы, падающие на маломощные хозяйства, вплоть до полного освобождения от тех или других из них (например, от некоторых налогов) беднейших слоёв деревни» (3).

Летом 1923 г., когда начиналась подготовка к новой налоговой кампании, даже губернское руководство не всегда точно представляло себе, как нужно действовать в изменившейся обстановке. На сессии Тюменского губисполкома (5–6 июля) был заслушан вопрос о натурально-денежном налоге на предстоящий год. В прениях по докладу один из членов исполкома выразил некоторую растерянность: «...мы, можно сказать, только вчера притупили к с.-х. налогу; приходится ждать указаний из Центра, пока мы абсолютно ничего не имеем из Центра. Без ведома Центра мы не можем сдвинуть с места ни одного работника и распорядиться им. Эта работа настолько серьёзная, что приходится очень над ней задуматься и много ломать голову. Я, пожалуй, согласен, что пока всё ещё очень неясно, мы здесь говорили только свои соображения. Что касается контрольной цифры, то пока о ней сказать что-либо трудно, неизвестно ещё, какова у нас будет контрольная цифра» (4). Представляется, что этот фрагмент демонстрирует как характер взаимоотношений центральных и местных органов власти, так и складывавшийся в этих условиях стиль мышления и образ действия функционеров местного (даже губернского) уровня.

Одна из главных задач подготовки к налоговой кампании – укрепление продовольственного аппарата – обрела новые нюансы. Как и прежде, требовалось отбирать надёжных работников, обучать их на специальных курсах. Но теперь сразу была заявлена директива Сибирской продовольственной комиссии: «...Ни один сотрудник, скомпрометировавший себя незаконными (в смысле, незаконными. – Е. Ш.) поступками, нерадением, халатностью, бесчинством, пьянством и т. п., не может быть оставлен в продаппарате. Не могут быть оставлены и такие неопытные, неспособные сотрудники, проводить которые через особые курсы не имеет смысла» (5). Это означало акцент на качественном совершенствовании продаппарата – и отказ от «выкачивания» хлеба любой ценой. В докладе М. И. Калинину председатель Омского губисполкома А. Розе сообщал, что ими были учтены недочёты прошлого налогового года (в частности, правонарушения, допущенные представителями продовольственных органов, приведшие к нанесению ущерба крестьянскому хозяйству) (6). Однако даже «на-

дѣжные» руководители из пролетарских рядов впоследствии не всегда оказывались адекватны поставленным задачам. Например, на закрытом пленуме Щегловского укома РКП(б) 22 января 1924 г. слушали дело А. Селивёрстова, бывшего уездного продкомиссара, обвиняемого в халатном отношении к службе, в связи с произведённой органами РКП ревизией уездной продкомиссии. Пленум постановил: «Принимая во внимание, что т. Селивёрстов рабочий недостаточно грамотный, за период 5-летней продработы истрепался, нервный, а главное, потерял слух. Лично т. Селивёрстов давно осознал свою неспособность в советской работе и заявляет о переводе на производство, что действительно было бы вполне целесообразным. Кроме того, т. Селивёрстов в Щегловском упродкоме до означенной ревизии работал всего лишь 1,5 месяца, за который период по своей недалёковидности не мог своевременно выявить дефекты дельца-«зама», поэтому считать привлечение его к ответственности, хотя бы административным порядком, не верным, просить губком РКП и губКК (губернскую контрольную комиссию. – *Е. Ш.*) дело о т. Селивёрстове прекратить и никакому наказанию не подвергать» (7).

В этом ярком и значимом для нас тексте обращает на себя внимание ряд моментов. Во-первых, обвиняемый в халатности был направлен на продовольственную работу как выходец из рабочих и коммунист, то есть имел безупречную социальную и идеологическую характеристику. Во-вторых, когда уже не требовалось просто давить на крестьянина, а надо было проявить способность разобраться, к примеру, в учёте денежных средств, неспособность малограмотного товарища к этому стала очевидной и для него самого, и для вышестоящих органов. Наконец, хотелось бы подчеркнуть, «истрёпанность» и нервность, утрату физического здоровья Селивёрстовым – и это, само собой, следует относить к большинству партийных и советских работников того времени. Многолетнее психологическое напряжение, нередко полуголодное существование и подрыв здоровья во многом обуславливали подчас слишком бурную реакцию на изменения в партийно-государственной политике, разочарование при переменах курса. Смягчение налогового бремени, подчеркнута мягкое отношение к сибирским крестьянам в кампанию 1923/24 года такими людьми, потерявшими здоровье на изнурительной практической работе, могло восприниматься как удар, возможно, даже предательство коммунистических интересов и идеалов.

Осенью местным партийным организациям под грифом «совершенно секретно» рассылалось письмо секретаря ЦК РКП(б) В. М. Молотова всем областным бюро ЦК, национальным комитетам партии, обкомам и губкомам РКП(б) от 31 августа 1923 г. «О реализации урожая», нацеливавшее коммунистов на усиленную работу по сбору единого сельхозналога и заготовке хлеба для экспорта (8). Секретность послания была обусловлена, по-

видимому, тем, что в нём расписывалась «кухня» партийной работы, формы её и методы, то есть то, что рядовому крестьянину знать не обязательно. Примечательно, что в этом документе продемонстрировано вполне трезвое осознание высшим партийным руководством ситуации в сельском хозяйстве. Особый упор делался на агитационно-пропагандистское обеспечение налоговой и хлебозаготовительной кампаний, которое и должно было составлять главное направление партийной работы. Приведём фрагмент этого документа.

«Пред партией и Советской властью стоит ответственнейшая и сложнейшая задача – реализации урожая. Эта задача распадается на 2 части: первая и главная – сбор единого сельскохозяйственного налога, вторая – заготовка для экспорта хлеба.

Все условия этого года: невысокий урожай, слабость крестьянского хозяйства, ещё не окрепшего после недорода 1921 г., необходимость облегчения положения крестьянской бедноты, ЦК учтены полностью. Декрет ВЦИК освобождает от налога (в среднем) около 20 % всех хозяев, ставки налога снижены максимально, и общая сумма налога, окончательно установленная после декрета от 24 августа, должна быть собрана во что бы то ни стало.

Помимо общего политического контроля и руководства деятельностью всех органов, ведущих эту работу, Губкомы должны максимум внимания и сил уделить наблюдению за работой низового аппарата, за проведением всей работы на основе строжайшей законности, требуя проявления величайшего внимания к жалобам, всякого рода заявлениям крестьян, проявляя при этом необходимую твёрдость, гарантирующую сбор окончательно установленных ставок полностью.

Большое и серьёзное внимание должно быть отдано агитационному обслуживанию кампаний.

Аппараты НКФ и Наркомпрода ныне достаточно сильны, чтобы сами, без массовой мобилизации членов партии, могли бы справиться с делом сбора налога. Но эта работа без соответствующего агитационного обслуживания не может быть проведена удовлетворительно. Вся местная печать, весь партийный аппарат, женотделы, КСМ, органы ГПП, особенно избычители, шефства – всё должно быть мобилизовано для этой работы.

Особое внимание надо обратить на сыпные пункты, трактиры и чайные. Организации красных трактиров и чайных с Советской газетой и советским граммофоном, с дежурством специалиста-налоговика, дающего разъяснения, помогающего составить заявление, и другие подобные меры могли бы иметь крупное положительное значение.

Наряду со сбором продналога стоят задачи организации заготовительной кампании для вывоза хлеба. И здесь так же. Как в сборе налога, самая работа по заготовке должна будет выполняться

соответствующими специальными аппаратами. Решающая роль в успешности этой работы в конкуренции со спекулянтом и частным торговцем падает на коммерческую деятельность заготовительных органов, на выгоды, предоставляемые ими крестьянству. Но, на Губкомы ложится задача всемерного укрепления и содействия этим аппаратам, для чего необходимо укрепить, в особенности их низовые ячейки, коммунистами, осторожно относиться к снятию и отстранению из них работников (руководителей централизованных [органов] лишь с согласия ЦК), заслушивать доклады о работе и давать основные руководящие указания, не вмешиваясь в технологическую работу».

Осознание необходимости мира с крестьянством было характерно для многих сибирских руководителей. Организованная при отделе пропаганды и агитации Енисейского губкома РКП(б) агитпродтройка в сентябре 1923 г. направила уездным и районным комитетам партии и упродтройкам циркуляр следующего содержания: «...Важность успешного проведения сбора налога диктуется не только хозяйственным и финансовым положением страны, но и перспективами политического положения нашего Советского Союза, которому угрожает военная опасность со стороны буржуазной Европы, всякую минуту готовой начать новую империалистическую войну. <...> Всякие ненормальности, преступления, хищения, недисциплинированность органов и работников, работающих по сбору налога, должны строго караться <...> Уком должен строго следить, чтобы низовые аппараты продорганов, их работники не являлись причиной недовольства крестьян на Советскую власть и партию». Уездным агитпродтройкам предписывалось не только убеждать крестьян в важности своевременной сдачи налога, но и разъяснять им сроки уплаты налога, предоставляемые льготы, а также правила подачи жалоб (9). В данном случае ссылки на военную опасность можно расценивать как некую дань прошлому, напоминание о важности продовольственной работы. Однако гораздо более обширный текст посвящён требованиям соблюдать лояльность в отношении крестьянства.

Настойчивая ориентировка «верхов» на отказ от методов принуждения в новой налоговой кампании привела к тому, что некоторые коммунисты будто растерялись и прямо признавали: «Вопрос о едином сельскохозяйственном налоге и вообще налоговые вопросы потеряли как-то для нас свою остроту» (10). С другой стороны, утрата проблемой выполнения налога жгучего характера была не просто следствием расслабленности коммунистов, а отражением реальности: крестьяне успокоились и стали больше доверять советской власти, сельское хозяйство проявляло признаки восстановления.

Поворот от преимущественно нажимных к мягким методам взимания налога акцентировался в секретном циркулярном письме председателя Том-

ского губисполкома Корнева и губпродкомиссара Базанова от 6 октября 1923 г. председателям уисполкомов и уездным продкомиссарам губернии (11): «Начинающаяся налоговая кампания должна быть проведена в условиях, создающих наибольшее количество правовых гарантий для налогоплательщиков. Планомерность проведения кампании [со] строгим соблюдением частных сроков должна стоять в центре внимания парторганов, призванных руководить налоговой работой. Частные сроки уплаты налога представляют собой важнейшую гарантию прав налогоплательщика, предоставляя ему возможность планомерно в течение шести месяцев выполнять свои обязанности с наибольшей выгодой для своего хозяйства, производя реализацию своей продукции или добывая часть средств, необходимых для уплаты налога, путём извозного промысла и других заработков.

Форсирование налоговой кампании совершенно невыгодно не только для плательщиков, но и для государства, ибо развитие сильного нажима с самого начала вызовет либо чрезвычайно невыгодную для государства уплату налога натурой, либо усиленную реализацию натур для уплаты налога деньгами. Такая вынужденная поспешная реализация натур под давлением налогового прессы неминуемо приведёт к резкому обесцениванию хлеба, которое разрушает не только крестьянское хозяйство, но подрывает и бюджет, обесценивая натуральные фонды казны. Кроме того, низкий уровень хлебных цен на рынке неизбежно вынуждает понижать и эквиваленты деньгамены (равняясь на рынок), что в свою очередь наносит непоправимый ущерб государственному и местному бюджету, понижая реальную ценность денежной замены налога.

Исходя из этих соображений:

- 1) политического характера (правовые гарантии для налогоплательщиков);
- 2) экономического характера (согласованность налоговой кампании с интересами крестьянской экономики) и, наконец,
- 3) фискального характера (наибольшая эффективность для бюджета от сельхозналога).

Нам необходимо не только выполнить 100 % твёрдого задания, но неослабно напрягать внимание парторганов и продработников на вопросе о том, как эти 100 % собираются. Сиббюро уже неоднократно останавливало внимание Губкомов и в ряде циркуляров, и на Сибирском Партсовещании на этом вопросе и сейчас считает необходимым ещё раз со всей решительностью указать, что партия не будет больше покрывать налоговых работников, «перегибающих палку».

Предоставленные в Ваше распоряжение фонды скидок и льгот дают полную возможность планомерного проведения кампании без всяких эксцессов <...>».

Это было, надо полагать, просто ошеломляющим для многих партийных, советских и в особенности продовольственных работников —

особенно такие слова, как «наибольшая выгода для своего хозяйства», «правовые гарантии для налогоплательщиков» (года не прошло, как их устрашали ревтрибуналом и вооружённой силой). Впервые высказывалась мысль, что надо не просто взять 100 % налога, «но неослабно напрягать внимание парторганов и продработников на вопросе о том, как эти 100 % собираются». Могло вызвать недоумение и требование развернуть широкую агитацию по поводу возможности получить скидки и льготы, а также то, что со сбором налога свыше твёрдого задания следовало бороться. И если раньше победителей не судили, то теперь переусердствовавших в сборе налога не будут покрывать, а строго накажут. Понятно, что столь радикальная смена ориентиров могла повергнуть в шоковое состояние солдат партии и продовольственного фронта. Впрочем, на то они и бойцы, чтобы по-военному подчиниться дисциплине. Можно предположить, что поворот тактики на 180 градусов вызвал у многих коммунистов состояние беспокойства, подавляемый внутренний протест. И ещё несколько лет это потаённое кипение не находило выхода...

Кампания по взиманию единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН) 1924/25 года продолжала линию на максимальный учёт потребностей и возможностей крестьянского хозяйства. Споры о ней начались ещё тогда, когда не закончилась предыдущая. А. Тамарин, председатель комиссии Сибкрайкома по обследованию деревни в Рождественском районе Канского уезда Енисейской губернии, в январе 1924 г. отмечал, что на сходах крестьяне дружно жаловались на тяжесть налога. Комиссия систематизировала их предложения на будущий налоговый год: уменьшить налог; определить первый срок уплаты налога, к которому надо будет сдать не более 10 %, 1 декабря; учитывать не только едоков в семье, но и их трудоспособность; сенокос облагать «не по циркуляру», а по фактическому наличию (технически это было очень трудно сделать, что провоцировало массовый уход от обложения. – *Е. Ш.*); уменьшить пеню или вообще отказаться от её взимания, применяя эту меру только к злостным неплательщикам; разряды обложения устанавливать по согласованию с райисполкомом, «в строгой зависимости от удалённости от рынка, фактической урожайности, кондиционности зерна и проч. факторов, действительно определяющих хозяйственную мощь не только всего района, но и отдельных сёл»; освободить от обложения скот; освободить от промыслового налога кустарей, занимающихся сельским хозяйством (12). Очевидно, что, внося такие предложения, крестьяне в первую очередь преследовали интересы развития собственного хозяйства. С их точки зрения, целесообразная налоговая система не должна быть излишне обременительной, с тем чтобы давать возможность сельскому производителю изыскать средства на подъём производства. Партийная и государственная власть по мере возможности

(чтобы не нарушить классовую направленность советской политики) стремилась учесть мнение крестьян, чтобы наиболее успешным образом вовлечь их в социалистическое строительство. Собственно, именно для этого и проводились массовые обследования деревни, набравшие наибольший размах в середине 1920-х гг.

В Иркутской губернии крестьяне высказывали похожие пожелания. Информационный отчёт Тулуновского укома РКП(б) за январь – март 1924 г. сообщал, что состоявшееся 12 марта уездное совещание советов по развитию сельского хозяйства признало необходимым, учитывая условия Сибири, освободить от обложения рабочий скот (лошадей), сенокосные угодья, огородные площади, мелкое животноводство и пчеловодство, где оно только начинает развиваться, посевы бобовых, кормовых трав и корнеклубов, где только начато введение их севооборотов, а также масличных-волокунистых культур – в целях развития товарности и усиления раскорчёвки таёжных участков. «Признавая, что в условиях Сибири крестьянское хозяйство не может жить и крепнуть при наличии одной рабочей лошади, Совещание считает нужным довести до центральных органов, что при описи имущества за долги не должна допускаться конфискация и продажа рабочих лошадей [при их численности] ниже 2 голов» (13).

Весной 1924 г. при Сибревкоме была создана Комиссия по выработке предложений по реформе сельхозналога. В её состав вошли: председатель Сибревкома Лашевич, заместитель Предсибревкома Эйхе, уполномоченные по Сибири: Наркомфина – Поволоцкий, Наркомзема – Кашников, Центрального статистического управления – Яровой, председатели губисполкомов: Омского – Грансберг, Алтайского – Гольдич, Томского – Корнев, Новониколаевского – Громов и Енисейского – Шиханов, а также представитель Сибкрайсоюза (объединения кооперативов Сибири) Панкратов, начальник Налогового управления Наркомата финансов Самсонов, заместитель заведующего Новониколаевским губфинотделом Зверев и секретарь комиссии Ледневский.

20 марта Комиссия рассмотрела первый вариант предложений по реформе единого сельскохозяйственного налога. Окончательный их вариант был принят 5 апреля и выглядел следующим образом:

– в состав ЕСХН должны быть включены все виды обложения сельского хозяйства, включая волостные сборы с целью унификации как исчисления налога по окладным листам, так и сроки взимания. При этом волсбор предполагался в размере 15 % от сельхозналога и соответствующая процентная надбавка раскладывалась бы по плательщикам, поступая затем в непосредственное распоряжение волысполкомов;

– объектом обложения должно быть крестьянское хозяйство в целом, причём в качестве основных признаков следует учитывать обеспе-

ченность посевом и скотом, а также численность едоков в хозяйстве и урожайность;

- учёт других признаков мощности хозяйства (сенокосы, постройки, сельхозмашины, а также наличие рабочих рук, комиссия сочла нецелесообразным;

- в Сибири, как в районе залежного земледелия, пашни следует облагать не в двойном размере, а лишь фактический посев данного года, установив необходимую ставку на десятину посева;

- при расчёте урожая следует учитывать не средний разряд за несколько лет, а урожайность данного года;

- по мнению Комиссии, налог должен быть прогрессивным, причём при исправлении шкалы ставок необходимо ослабить прогрессию, чтобы максимальные ставки не лишали крупные хозяйства стимулов к развитию. Существующую прогрессию обложения посева Комиссия сочла излишне высокой, а по скоту – нормальной;

- *шкала обложения должна быть районирована по признакам общей конъюнктуры сельского хозяйства, урожайности, ценности культур, степени близости к рынкам сбыта;*

- особое внимание необходимо уделять льготам производственного характера – за улучшение скота, введение севооборотов и прочие методы повышения агрикультуры (14).

Выделенный *жирным курсивом* пункт практически полностью совпадает с приведёнными выше предложениями крестьян, зафиксированными А. Тамариным в ходе обследования деревни Канского уезда. Предложения, выделенные *жирным* шрифтом, показывают, что члены Комиссии Сибревкома не акцентировали классовый подход, исходя из приоритета подъёма сельского хозяйства, а также относительной простоты и малой трудоёмкости исчисления налога. Можно констатировать, что, исходя из знания местных условий, члены сибревкомовской Комиссии стремились «лоббировать» интересы своего региона. И это не удивительно, если учесть крайнюю истощённость крестьянского хозяйства Сибири, которое едва начало подниматься благодаря значительной либерализации всей системы сельхозналога в прошлую налоговую кампанию. Суммируем: в 1924 г. в высшем руководстве региона обозначилась вполне прагматичная и рациональная тенденция выдвигать на первый план хозяйственные задачи, пренебрегая – пока – классовой борьбой.

Когда около половины налоговой кампании было позади, сибирские сотрудники Рабоче-крестьянской инспекции отмечали положительные стороны налога 1924/25 года: отказ от обложения молодняка скота и предоставление льгот по маломощности и за улучшение способов ведения хозяйства. Но, констатировал Рабкрин, отрицательных сторон было больше:

- слабое применение классового принципа;

- огульное определение доходности по селению в целом, а не по отдельным хозяйствам;

- переобложение в полеводческом хозяйстве рабочего скота;

- переобложение всего скота в хозяйстве; был указан ещё ряд недостатков существующей системы налогообложения (15).

Итак, работники Рабкрина подметили массу тонкостей, делающих ЕСХН текущего года далёким от идеального. Вместе с тем следует указать, что главным они явно считали недостаточный учёт социальной группировки крестьянства. Это, с одной стороны, отражает реально слабое знание ими сибирской деревни. С другой – надо полагать, характеризует приоритет целей в представлениях главного контрольного органа страны: важнее всего – социально-классовая направленность налоговой политики, на втором месте – то, как налоговая система влияет на развитие крестьянского сельскохозяйственного производства.

Большинство крестьян было обнадёжено изменениями в налоговой системе. Особенно это касалось бедноты и маломощного середнячества. В информационном отчёте Тулуновского укома РКП(б) (Иркутская губерния) сообщалось, что отношение середняков к советской власти и компартии в связи с понижением налога на 1924/25 год вполне удовлетворительное. Но в отдельных районах, где этот вопрос слабо разьяснялся на беспартийных конференциях, реакция была недоверчивой (16).

Несколько иная ситуация весной 1924 г. была на территории бывшей Тюменской губернии, относившейся в рассматриваемый период к Уральской области. С одной стороны, здесь крестьяне тоже были озабочены подъёмом ослабевшего хозяйства: они были усиленно заняты полевыми работами и стремились увеличить посев, их отношение к советской власти было, как правило, удовлетворительным. Однако хозяйства, особенно бедняцкие, испытывали нехватку инвентаря и лошадей. По данным сводок ОГПУ по Ишимскому округу, кулаки распространяли слухи о чрезмерности предстоящих налогов. И действительно, на кампанию 1924/25 года для Уральской области предполагалось обложение всей пашни, независимо от того, засеивается она или нет. Власти констатировали, что хозяйство в округе пришло в упадок: посевные площади 1923 г. составляли только 50 % от уровня 1916 г., 250 тысяч десятин земли оказались заброшенными. Было подсчитано, что в среднем на одно хозяйство на Урале приходится 41 руб. 66 коп. налога, а в Сибири – 34 руб. 98 коп., при этом налоговая ставка составляет в Сибири 50 % к доходности (прибыли. – Е. Ш.) хозяйства, а на Урале – 60 %. Анализируя эти показатели, окружное руководство било тревогу: «Империалистическая война, гражданская, бандитизм и неурожай 1921-22 гг. настолько подорвали хозяйство, что укрепление его в данный момент под-

вигается очень медленно. Коэффициент перевода скота (в десятину посева. – *Е. Ш.*) по ставкам Уральской области будет непосилен для Ишимского округа ввиду того, что продуктивность скота Урала [не] выше скота сибирского, вообще в отношении сельского хозяйства, скота Ишимский округ по климатическим условиям следует отнести к Сибири. Более целесообразно применить для Ишимского округа ставки сельхозналога к Сибири» (17). Не вдаваясь в проблему административно-территориального деления СССР, отметим: устанавливая его, Центр руководствовался соображениями, не всегда совпадающими с интересами регионов, системе не всегда хватало гибкости в учёте местных особенностей.

В период военного коммунизма, когда брали продовольственную развёрстку, а также в первые два года нэпа высокий уровень изъятия продуктов, и особенно хлеба у сибирских крестьян был обусловлен проблемой выживания советской власти. Тем более что в сравнении с малоземельными селянами европейской части страны сибиряки действительно выглядели более зажиточными. После того, как эта экстремальная ситуация закончилась, можно было и допустить послабление в отношении сибирского крестьянства. Если понимать новую экономическую политику в аграрном секторе не просто как формальную замену развёрстки налогом, а шире – как экономическую либерализацию в условиях многоукладной экономики, то реально нэп начинается в Сибири с 1923 года. Но это изменение политики оказалось психологически тяжёлым для многих советских и партийных работников, для большинства рядовых сельских коммунистов. Новые веяния зачастую представлялись им неприемлемыми и вызывали разочарование, проявившееся, в частности, в массовом добровольном выходе из партии. Их также беспокоило усилившееся в середине 20-х гг. социальное расслоение крестьянства и советского общества в целом. Другие же – частью в силу того, что искренне поверили в новый курс, частью в силу партийной дисциплины – стали апологетами рынка (если это были руководители) или обратились к восстановлению и подъёму своего индивидуального хозяйства (если это были рядовые партийцы; к таким преобладало настороженное отношение). Негативная (пусть и затаённая) позиция ряда коммунистов в связи с нэпом, а также реальные противоречия и трудности новой экономической политики стали важными основами возобновления чрезвычайных

методов обращения с крестьянами в период хлебозаготовительного кризиса 1927/28 года.

Литература

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1984. – Т. 3. – С. 52.
2. Там же. – С. 76–77, 78.
3. Там же. – С. 119.
4. Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 376. Л. 124об. Здесь и далее орфография подлинника сохраняется.
5. Самсонов, В. Очередные задачи продорганов / В. Самсонов // Жизнь Сибири. – 1923. – № 2–3.
6. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 216. Л. 106.
7. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-47. Оп. 1. Д. 333. Л. 3.
8. Там же. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 21. Л. 24–24об.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 587. Л. 82, 83.
10. Бийский коммунист. – 1923. – № 8–9. – С. 3 (Отчёт о совещании секретарей волостных комитетов партии, состоявшемся в августе. Имеется ввиду, что возникли новые вопросы, актуальность которых подчёркивалась партийным руководством: в частности, роль кооперации и её конкуренция с государственными торгово-заготовительными органами).
11. ГАКО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 20. Л. 17–17об. Данный текст слово в слово повторяет письмо за подписями секретаря Сиббюро ЦК РКП(б) Заславского, заместителя председателя Сибревкома А. П. Брыкова и председателя Сибпродкома Розита, которое пересылалось губернскими исполкомами в адрес уездных для сведения. – См.: там же. Д. 21. Л. 21–21об.
12. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-2. Оп. 7. Д. 28. С. 9–10.
13. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1938. Л. 23–24.
14. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 398. Л. 10–10об., 12–12об.
15. Там же. Ф. Р-288. Оп. 1. Л. 226. Л. 51об.
16. ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1938. Л. 50об.
17. ГАТюмО. Ф. Р-1962. Оп. 1. Д. 2. Л. 42–43, 53–54.